

Виктор Пронин

Ловушка для убийцы

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин
Ловушка для убийцы
Серия «Ксенофонов
и Зайцев», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179610

*Виктор Пронин. Слишком большое сходство: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13116-7*

Аннотация

«Ксенофонов еще раз окинул взглядом свой очерк, напечатанный на второй полосе, оценив его расположение, название, полюбовался размером. И откинулся на спинку стула, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву деревьев, упали ему на лицо. Усы Ксенофонтова на солнце отливали медью, в комнате пахло типографской краской от свежего вороха газет, и в каждой был его очерк о таксисте Апыхтине, который не только доставляет пассажиров по адресу, но и сдачу, случается, отсчитывает, может даже помочь выставить чемоданы из багажника...»

Виктор Пронин

Ловушка для убийцы

Ксенофонтов еще раз окинул взглядом свой очерк, напечатанный на второй полосе, оценив его расположение, название, полюбовался размером. И откинулся на спинку стула, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву деревьев, упали ему на лицо. Усы Ксенофонтова на солнце отличали медью, в комнате пахло типографской краской от свежего вороха газет, и в каждой был его очерк о таксисте Апыхтине, который не только доставляет пассажиров по адресу, но и сдачу, случается, отсчитывает, может даже помочь выставить чемоданы из багажника.

«Да, хороший человек этот Апыхтин, и слава им вполне заслужена. Глядишь, подбросит как-нибудь в неурочный час, чего не бывает», – корыстливо подумал Ксенофонтов, и рука его привычно потянулась к телефону.

– Следователя Зайцева, пожалуйста!

– Его нет. Позвоните позже.

– Обедает? – ревниво спросил Ксенофонтов.

– Он на задании.

– Очень важное задание? – озабоченно спросил Ксенофонтов. Но собеседник шутить был не намерен, и в трубке раздались частые пренебрежительные гудки.

Положив трубку, Ксенофонтов так и остался сидеть, не

снимаемая руки с телефона. И хотя за последнюю минуту в мире ничего существенного не изменилось, Ксенофонтов, как и прежде, сидел в белой рубашке с закатанными рукавами, нарядно осыпанной солнечными зайчиками, а ус его был любовно зажат в зубах, благодушное настроение уходило из него, как воздух из проколотого мяча. Ксенофонтов остро ощутил уязвленность. Где-то рядом происходят события, решается чья-то судьба, а он ничего не знает, ничто от него не зависит, никому он не нужен.

Он вспомнил, что и вчера не разговаривал с Зайцевым, а несколько дней назад, когда удалось поймать друга по телефону, голос у того был какой-то нервный, нетерпеливый, Зайцев отвечал невпопад, если не сказать с раздражением. Пожалуй, все-таки с раздражением, подумал Ксенофонтов, чтобы ощутить обиду сильнее.

Почему-то вспомнилась девушка, которая не пришла к нему на свидание в позапрошлом году, более того, вышла замуж за алкоголика, любит его поныне, а на Ксенофонтова при встрече смотрит без всякого сожаления. Обидно. Вспомнилась двойка, которую с непонятным наслаждением влепила ему учительница математики лет пятнадцать назад. Она случайно услышала, как он сказал приятелю, что не сделал урока, и вызвала его к доске. Ксенофонтову до сих пор было горько, потому что учительница вызвала его лишь для того, чтобы уличить в незнании. Теперь-то он понимал, что поступила она в полном противоречии с учением знаменитого пе-

дагога Сухомлинского.

– Так, – протянул вслух Ксенофонтов, складывая газету. – Вот, оказывается, какие мы... Лучшие друзья таятся и не могут сказать душевное слово. Да, мы готовы признаться в суевериях и невежестве, дескать, дурного глаза боимся, нечистой силы остерегаемся и потому молчим. На самом деле – своих же друзей опасаемся. Не брякнуть бы лишнего, чтобы не выдали тайну твою заветную, надежду трепетную, не пустили бы по миру твои сомнения, мысли твои крамольные, страхи ночные. А то, глядишь, выводы кто нехорошие делает, вопрос задаст строгим голосом. И нечего тебе будет ответить, нечем оправдаться, поскольку вопрос-то задается не для того, чтоб ты отвечал на него, а чтоб осознал свою зловредность и приготовился к испытаниям. Да и наши страхи сделались настолько привычными, что не видим мы в них безнравственности, а свою осторожную замкнутость объясняем мужественной сдержанностью, и даже готовы восхищаться собой и преклониться перед собственным обликом. А вот обменяться с другом услышанным, понятым, тем, что озарило тебя, – кажется противоправным, будто не друг перед тобой сидит, которого знаешь с детского сада, а матерый шпионище с ампулой цианистого калия, вшитой в воротник, враг с бесшумным пистолетом за поясом и тайным номером, выколотым под мышкой и заросшим там густыми зловонными волосами... – продолжал расковыривать в себе обиду Ксенофонтов. – А если и появляются друзья, то толь-

ко для того, чтобы убить время, убить здоровье, посмеяться над анекдотом о несчастном муже, вернувшемся из командировки совершенно некстати, да похлопать друг друга по оплывающим плечам...

Обида все глубже просачивалась в душу Ксенофонтова, и он даже вздрогнул, когда неожиданно громко прозвенел телефонный звонок.

– Да! – сказал он недовольно, поскольку ценил свои обиды и расставался с ними неохотно.

– Привет. Ты меня искал?

– Зайцев?! – счастливо воскликнул Ксенофонтов и мгновенно забыл о том, как горько ему живется. – Ну, старик, я уже начал беспокоиться! Может, думаю, тебя насквозь прострелили, может, думаю, в жизненно важных местах...

– Пока не продырявили, но до полного отошания довели.

– Все понял! Встречаемся через десять минут в вареничной!

– Не возражаю! – сказал Зайцев и бросил трубку. Это Ксенофонтов увидел четко – следователь не положил, а именно бросил трубку, кому-то на ходу махнул рукой, посмотрел на часы и выскочил в дверь. Иначе он не поспел бы за десять минут в вареничную.

«А все-таки друзья остаются друзьями, несмотря на жестокие жизненные неурядицы, обиды и недоразумения, – успокоенно подумал Ксенофонтов. – И ни слава их не может разлучить, – он взглянул на свой очерк, – ни самые опасные

преступления».

В вареничной стоял влажный и горячий запах распаренного творога, картофельного пюре, вареного теста. Озабоченные посетители шарили глазами в поисках свободного места за алюминиевыми столиками с голубым пластмассовым верхом, бегали в моечную за вилками и ложками, ополаскивали стаканы у раковины. Распаренные, как вареники, женщины недовольно покрикивали на них из кухни, поддавали ногами какие-то тряпки, а оробевшие посетители отворачивались, стараясь не видеть ни самих женщин, ни масляного пола, ни сумрачных внутренностей вареничной.

Ксенофонтову до прихода Зайцева не без труда удалось взять две порции вареников, четыре компота и занять места у наглухо заколоченного и задернутого сероватыми гардинами окна. Маленький худощавый Зайцев быстро протискивался между столиками, сел перед Ксенофонтовым, шумно вздохнул.

– Кажется, впервые за трое суток поем горячего!

– Это хорошо, – кивнул Ксенофонтов. – Горячее полезно для здоровья.

– Полезно! – хмыкнул Зайцев. – Тут бы выжить.

– Теперь выживешь. Только это... Жевать надо старательно. Не заглатывай пищу, как кондор. Ты вот не читаешь нашу газету, а напрасно. Недавно мы напечатали заметку о том, что кондоров осталось на земле совсем немного. Вымирают. Полагаю, это оттого, что пищу заглатывают, не прожевывая.

– Обязательно учту, – проговорил Зайцев с набитым ртом. – А газету твою я иногда просматриваю. Сегодня вот про хорошего человека Апыхтина прочитал...

– Да? И как?

– Очень трогательно. Не скажу, чтобы прослезился, но прочел с большим интересом. Этот твой машинист...

– Таксист, – отрешенно поправил Ксенофонов.

– Ах да! Извини. Я со своими хлопотами... Но о них не будем!

– Тайна?

– Служебная! – Зайцев значительно поднял вверх указательный палец. – Но ничего нового, поверь. Старо как мир. Кровавая история. Но это не для разговора за варениками.

– Преступника задержали?

– Даже двух, – сокрушенно ответил Зайцев. – Убивал один, а задержаны двое.

– С перевыполнением идешь, – одобрил Ксенофонов. – На двести процентов. В ударники выбьешься, женишься, на свадьбу пригласишь, я надену свой новый костюм, познакомлюсь с подругой твоей жены... Растешь, старик. Это хорошо.

– Ничего хорошего. Знаешь, что сказал Петр Первый? Лучше десять виновных освободить, нежели одного невиновного к смерти приговорить.

– Значит, один из задержанных невиновен? – ужаснулся Ксенофонов.

– Совершенно верно.

– Это ты зря. Невиновного нужно отпустить. Слышишь? А то могут быть неприятности.

– Эх, Ксенофонтов! Всего два дня я потратил на то, чтобы раскрыть преступление, провести экспертизы, очные ставки, собрать доказательства и наконец выйти на двоих. Убил один из них, это я выяснил, да они и сами не отрицают. И все за два дня. Но вот уже три дня я пытаюсь узнать – кто же из них убийца? Кто из этих двоих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.